

Н. Н. БОГДАНОВ

**Киевские реминисценции
в «московском» творчестве Михаила Булгакова***

Разумеется, Михаил Булгаков, чье детство и юность прошли в Киеве, кому довелось здесь окончить и гимназию, и даже университет, не мог не впитать в себя атмосферу этого, по его же словам, «самого красивого города в России» настолько, чтобы она стала как бы частью души. И незабвенные впечатления детства и юности, растворившиеся в творческой памяти художника, без сомнения присутствуют во всех произведениях Мастера, то здесь, то там проступая яркими (или едва заметными), причудливыми, а то и таинственными узорами повествования. Мы видим их на страницах самых зрелых, самых «московских» его произведений, включая и роман «Мастер и Маргарита» — вершину творчества писателя, — казалось бы, творение насквозь московское.

«В Москве не бывает весны, — запишет Булгаков в одной из ранних редакций своего знаменитого романа. — Человек, который занят чем-нибудь всю зиму, так и не заметит, что весна пришла. Разве что потянет иногда гниловатым воздухом в форточку»¹.

Что и говорить, не один москвич поежится от этих фраз. — Как это «не бывает весны»? В сравнении с чем? Ну конечно же, писатель смотрит на Москву глазами киевлянина! Ибо во всех мытарствах своей новой жизни он не способен забыть, как «весной зацвели белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары»², а «зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру»³. Ведь Булгаков — из того поколения

* Впервые: Слово (Иркутск). Вып. 3 (6). 2005. С. 76–79. Печатается в новой редакции.

¹ Булгаков М. Собр. соч.: в 8 т. СПб.: Азбука-классика, 2004. Т. 4. С. 751.

² Там же. Т. 1. С. 295.

³ Там же.

киевлян, в сердцах которых когда-то «родилась уверенность, что вся жизнь пройдет в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жесткий, крупный ласковый снег...»⁴. Но грянул роковой, «великий и страшный» 1918 год, «от начала же революции второй»...

* * *

В конце сентября 1921 г., после мучительных скитаний по югу России, «без денег, без вещей» писатель приехал в Москву, «чтобы остаться в ней навсегда»⁵. Разоренная революцией и годами военного коммунизма столица встретила далеко не приветливо. Первые годы пришлось вести тяжкую борьбу за существование, всеми силами пытаюсь «восстановить норму — квартиру, одежду, пищу и книги»⁶. Главным ориентиром этой *нормальной* жизни служили именно киевские воспоминания. И город далекого детства с его незабываемой атмосферой, его людьми, его сложной языковой средой, грезился ему по ночам. Грустно и сладостно, как Максудову из «Записок покойника»: «Мне снился родной город, снег, зима, гражданская война... Во сне прошла передо мною беззвучная вьюга, а затем появился старенький рояль и возле него люди, которых уже нет на свете. Во сне меня поразило мое одиночество, мне стало жаль себя. И проснулся я в слезах»⁷.

Город грезился и трагикомично, как в период работы во МХАТе, при подготовке спектаклей по «Запискам Пиквикского клуба» Ч. Диккенса и собственной пьесе «Кабала святош»:

«— Ливанов, получите двадцать копеек... — За что? — Я видел сон: я умер, а вы вошли в буфет и говорите: “Був Гаков, и нэма Гакова!”»⁸

То была шуточная награда за остроумие при популярной среди актеров игре в слова.

Одновременно воспоминания о Киеве, чарующие предания его старины оживали на страницах булгаковских текстов. Иные — весьма часто.

«О, эти пожары, штурмовавшие воображение писателя... — с некоторым недоумением отметит в своей последней книге Л. Яновская. — “Дом Эльпит — Рабкоммуна”... “Ханский огонь”... “Адам и Ева”... Что это —

⁴ Там же.

⁵ Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 94.

⁶ Булгаков М. Собр. соч. Т. 8. С. 39.

⁷ Там же. Т. 1. С. 417.

⁸ Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1989. С. 277.

багровые отсветы потрясших его реалий Гражданской войны? Или предвидение надвигающихся кошмаров будущих войн?»⁹

И то и другое! — ответили бы мы. Но еще, несомненно, это и отблеск далекого прошлого — память о легендарном киевском пожаре 9–11 июля 1811 г., полностью уничтожившего практически весь Подол. Память, которую нес в себе каждый киевлянин, даже если он и родился много позже свершившейся катастрофы. Ведь о ней в Киеве ему напоминало столь многое...

Имя Рудольфа Рафаиловича из повести «Тайному другу», ставшего потом Ильей Ивановичем Рудольфи в «Театральном романе», знакомо каждому почитателю Булгакова: замечательный редактор, редактор «чистой крови». Так и хочется сказать: Божьей милостью. Если б не загадочная, но отчетливая связь его с миром прямо *противоположным*. Но откуда писатель позаимствовал столь редкое имя? Как видим, у героя оно весьма устойчиво. Не из той же ли киевской старины? Дело в том, что лет за шестьдесят до Булгакова университет св. Владимира посещал некий студент, причем именно студент-медик по имени Рудольф. Кажется, человек этот был не чужд и изящной словесности, даже пописывал какие-то стихи... Но среди киевлян он прославился другим, а именно — тем, что не скрывал своей связи... с сатаной! Больше того — раз в год перед Первомаем у себя дома, на Черепановой горе, Рудольф устраивал шуточные «балы». Балы в честь грозного повелителя преисподней!¹⁰

Раз уж мы заговорили о чертовщине, вспомним сеанс черной магии, состоявшийся в театре «Варьете» и, главное, «полное ее разоблачение»? А ведь и эти страницы романа буквально нашпигованы киевскими реминисценциями: есть основания полагать, что в мистической жути, какую потчевал московских зрителей Воланд, аккумулярованы характерные приемы некогда популярных в Киеве иллюзионистов Бартоломео Боско и Карла Гофмана¹¹. И правда, на своих представлениях те демонстрировали и метание карт в публику на точность, и даровую раздачу всем желающим предметов женского туалета (причем здесь зачем-то присутствовал гигантских размеров черный кот), и извлечение быстро исчезающих денег из самых неожиданных частей человеческого тела, и даже отрывание и приращение голов. Стремясь уйти от обвинений в чертовщине (что в известном своею религиозностью Киеве было чревато самыми большими неприятностями), иллюзионисты XIX в. объявляли себя

⁹ Яновская Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: Прозаик, 2013. С. 47–48.

¹⁰ Макаров А. Были и небылицы старого Киева. К.: Скай Хорс, 2013. С. 105–107.

¹¹ Макаров А. Поэзия балагана // Факты. Киев, 2005. 5 янв.

«профессорами» физики или черной и белой магии. А в их афишах специально подчеркивалось, что демонстрируются «натуральные явления» — оптические обманы, «порождения дыма и точки зрения». Справедливости ради отметим, что все это происходило задолго до Булгакова, и он мог знать об этом только по рассказам старожилков. Важнее другое: сколько новоявленных святош готовы нынче проклясть писателя вместе с его романом, только бы чувствовать себя определенно добродетельными людьми! Но много ли вреда причинил москвичам тот же Воланд? Разве это он похитил из «нехорошей квартиры» Анну Францевну де Фужере и двух ее жильцов — одного с фамилией Баламут, другого «с утраченной фамилией»? Или это он заказывал «большие антирелигиозные поэмы» для толстых журналов? Торговал осетриной второй свежести? Отнял кров у несчастного обитателя подвальчика близ Арбата? Да и в реальной жизни тех лет кто двадцать лет травил замечательного мастера отечественной литературы? Кто после чтения пьесы «Батум» стоя аплодировал автору на партактиве МХАТа, демонстрируя патологическую неспособность отличить апологию всемогущего правителя огромной страны от дерзкого памфлета на «лучшего друга» всех писателей СССР? Кто твердил, что «зря никого не арестовывают»? О доносах я уже и не говорю...

* * *

В самом начале II части романа «Мастер и Маргарита» проезжающая по Арбату героиня слышит в троллейбусе «таинственную трепотню про украденную из гроба голову» Берлиоза. Чуть позже ситуация становится несколько понятнее:

«— Да, изволите ли видеть, — объяснил рыжий, — сегодня утром в грибоедовском зале голову у покойника стащили из гроба.

— Как же это может быть? — невольно спросила Маргарита <...>.

— Чёрт его знает как! — развязно ответил рыжий. — <...> Такой скандалище! И, главное, непонятно, кому и на что она нужна, эта голова!»¹²

Впрочем, эта загадка скоро разъяснится: именно над обращающейся в прах головой Берлиоза правящий бал Воланд произнесет, пожалуй, самое потрясающее из своих пророчеств: «Все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это!»¹³

¹² Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 5. С. 217.

¹³ Там же. С. 265.

Таким образом, гротескный переход от шутовского начала к трагическому вполне оправдан. А ведь в самой первой редакции романа гроб с телом Берлиоза рушился с Крымского моста в Москву-реку и «[н]ичего не оста[лось] — даже] пузырярей — с [ними покончил] <вес>енний дождь»¹⁴.

Откуда Булгаков мог получить импульс для изменения сюжетного хода? Из замечательной книги А. Н. Макарова «Киевская старина в лицах» узнаем, что весной 1884 г. в Киеве разразился чрезвычайно курьезный (если так можно выразиться) скандал: 10 марта скончался муж акушерки Розворович, голова которого за 10 лет до смерти была продана профессору анатомии местного университета Александру Петровичу Вальтеру. 12 марта тело покойного было предано земле, причем его семья отказала Вальтеру в выдаче головы. По слухам, возникший между сторонами конфликт вылился даже в особый судебный процесс о взыскании головы Розворовича¹⁵. Не память ли об этом давнем курьезе подсказала Булгакову — выпускнику медицинского факультета Университета Св. Владимира — новый, куда более интересный сюжетный ход?

Надо сказать, что с людскими головами в Киеве вообще происходили странные приключения: так, однажды в Городском театре чуть не сорвалась премьера оперы «Юдифь». Художнику Александру Агину — незадолго перед тем обосновавшемуся на берегах Днепра — заказали для спектакля бутафорскую голову Олоферна. Голова эта должна была фигурировать в последнем акте оперы, усиливая эмоциональный акцент финала. И вот, спектакль уже идет, а художника все нет. Наконец, захавшийся Ал. Агин появляется в театре. Сильно взволнованный, чтобы не сказать большего, антрепренер Ф. И. Бергер требует объяснений:

«Вместо ответа художник развязал узел. Показалось мертвенно-бледное лицо с большими закрытыми глазами, с окровавленной косо срезанной шеей. — Майн Готт! — воскликнул, содрогаясь, Бергер.

Ему, вероятно, показалось, что Агин, этот чудака, не успев сделать заказанную голову из папье-маше, взял настоящую...»¹⁶.

Тут-то и выяснилось, что голова Олоферна шокировала не только антрепренера Ф. Бергера — ее выразительность бросилась в глаза полицейским, задержавшим Ал. Агина «до выяснения обстоятельств»,

¹⁴ Чудакова М. О. Опыт реконструкции текста М. А. Булгакова // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М.: Наука, 1977. С. 100.

¹⁵ Макаров А. Киевская старина в лицах. XIX век. Киев: Довіра, 2005. С. 197.

¹⁶ Там же. С. 578–579.

что и стало причиной столь досадного опоздания. Быть может, Михаил Афанасьевич слышал и эту театральную байку?

Пресловутую голову несчастному Берлиозу отрезало «на Патриарших». Отрезало, как известно, трамваем, «подлетевшим» «по ново-проложенной линии» с Ермолаевского переулка на Бронную. Однако у человека, хоть раз посетившего этот тихий уголок Москвы, события подобного рода могут вызвать недоумение. Дело даже не в том, что вокруг Патриарших прудов никогда не было трамвайных путей, — важнее, что трамваю здесь просто негде, «выйдя на прямую», «взвыть и наддать». Больше того, нет и самой «прямой» — турникет расположен буквально на углу улицы и переулка. В результате нам не остается ничего другого, как согласиться с Мироном Петровским: роковой для Берлиоза трамвай летит не с Ермолаевского, а из юношеской памяти Булгакова, из прочитанной им в 1917 г. киевской повести А. И. Куприна «Каждое желание», ныне более известной под заглавием «Звезда Соломона». Что и говорить, там все это выглядит куда впечатляюще, ведь «электрический вагон», «выбрасывая из-под колес трескучие снопы фиолетовых и зеленых искр», несется не откуда-нибудь, а с высоченного уклона Александровской улицы к лежащей гораздо ниже ее Бульварной, в которой легко узнается овраг Крещатика¹⁷. Когда-то это была первая линия электрического трамвая в Киеве, да что там в Киеве — первая линия во всей России!

* * *

В главе 29 романа «Мастер и Маргарита» «на закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве», в котором легко узнается дом Пашкова, сидят двое — Воланд и Азazelло. Скоро, совсем скоро предстанет перед ними «оборванный, выпачканный в глине мрачный человек в хитоне», чтобы сообщить о решившейся судьбе главных героев романа. И город — подчеркивает Булгаков — «был виден почти до самых краев». Возьмем на себя смелость полагать, что желание видеть старую Москву с птичьего полета тоже идет у писателя от прежней киевской жизни. Ведь москвичи ценили свой город именно за милый, прямо-таки домашний уют тесных, кривых и горбатых переулков и улочек. Но то ли дело — захватывающие своей широтой пейзажи, открывающиеся взору с крутых берегов Днепра и поражавшие неисчислимы толпы очевидцев — паломников и жителей города. Здесь кажется уместным привести отрывок письма одного петербуржца, отправленного в родной город летом 1897 г.:

¹⁷ Петровский М. Городу и миру. Киев: Дух і літера, 2008. С. 231–232.

«Вот я и в Киеве и даже в нанятой квартирке <в доме по Подвальному переулку близ Львовской улицы>. Две комнаты с кухней — наш приют. <...> Вид из окон — верст на 20 вдаль: часть Подола, Днепр, поля, леса и обстрел <нрзб> огромный. Меня смущает только запах, боюсь, что <это> запах того, что человек отвергает от себя, хотя кухарка уверяет, что это кра- ска так пахнет. Поживем — увидим. Но грустно будет, если я окажусь прав <и придется съезжать>, ибо вид стоит того, чтобы и тебе показать, столько видов выдавшему»¹⁸.

Вот как завораживал Киев новых своих обитателей — даже если это и были, так сказать, «столичные штучки»! Замечательно, что цити- рованные выше строки писались в каких-то десятках метров от дома № 9 по Кудряевской улице, где жил тогда будущий писатель. Правда, ему в это время шел всего лишь седьмой год...

Примеры подобного рода реминисценций можно множить до бес- конечности, спускаясь к самым ничтожным деталям и мелочам. «Чувствуете жизненную вонь гнилой капусты?» — глумливо вопро- шает Иванушку Воланд в тени «чуть зеленеющих» *московских* лип. — «Горожане варят бигос...». Позвольте! Автор этой статьи — коренной москвич, и никто из его предков никогда не готовил упомянутое блюдо польской кухни. В его доме из мяса и капусты всегда готовили солянку! Булгаковская ирония горька, ибо в благословенном дореволюционном Киеве именно *бигос* был признаком пошлого мещанского благополу- чия. Даже в хмуром ворчании писателя (в минуту дурного настроения) по поводу знаменитой врубелевской мозаики на фасаде одной из са- мых известных московских гостиниц: «Под этим небом “Принцесса Греза” — размытая и тусклая...» угадывается киевлянин¹⁹. Еще бы, ведь рука гениального художника окрепла именно на работах в Киеве! И сколько бы их еще украсило замечательный город, если б не зависть врагов и благодушная холодность «друзей»...

Но в том-то все и дело, что многие киевские реминисценции Бул- гакова практически недоступны пониманию людей, никогда не живших в Киеве. Так, например, большинству читателей ничего не скажет адрес киевского дяди Берлиоза Максимилиана Андреевича Поплавского — бывшая Институтская улица. Разве что дотошный знаток булгаковской биографии отметит: странным образом эта улица располагается вдали от адресов киевской жизни самого писателя. А вот для киевлянина на-

¹⁸ В. М. Владиславлев — В. И. Срезневскому. Почтовый штемпель 11.VII.1897 г. Киев. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2634. Л. 144.

¹⁹ Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 375.

чала XX в. в этом намеке не было неразрешимой загадки: на упомянутой улице, выходявшей на Биржевую площадь, с ее вечной коммерческой суетой, селились многочисленные и не всегда щепетильные в обустройстве своих дел и делишек *ловцы удачи!*

То же самое можно сказать и о «мертвом теле», загадочно присутствующем среди и без него экстравагантных и многоликих посетителей последнего вечера в «Зойкиной квартире». В самом деле, что это за «тело» и почему именно «мертвое», ведь оно свободно перемещается в пространстве и даже позволяет себе реплики?!

«МЕРТВОЕ ТЕЛО (*выплывает с хриплым пением*). Из-за острова на стрежень, на простор речной волны... <...>

Позвольте вас спросить, мадам.

ХЕРУВИМ. Я не мадама есте.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Что за чёрт! К кому ни ткнешься, все не мадам, да не мадам... а сулили девочек...»²⁰.

Ясно, что бывший домовладелец из Ростова-на-Дону *мертвецки* пьян, ясно — что он нестерпимо груб. Но, кажется, его устами задыхающийся в тисках коммунистической цензуры Булгаков исторгает не вопль — стон, заключающий в себе «глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в <...> отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции»²¹. Невольно вспоминается другой монолог, из черновых редакций все того же романа «Мастер и Маргарита», куда более горький и куда более откровенный: «Ну, это уже положительно интересно! — заговорил он (Воланд. — *Н.Б.*), сияя зеленым глазом. — Что же это у вас ничего нету! Христа нету, дьявола нету, папирос нету, Понтия Пилата, таксомотора нету...»²².

Но как же все-таки быть со странным именованием персонажа «Мертвое тело»? Автор лукаво отсылает нас к берегам Дона, но мы не должны поддаваться искушению. Несомненно, ключ к разгадке лежит не там, а в нежно и верно любимом Булгаковым Киеве. Оказывается, с давних времен здесь существовал любопытный и довольно забавный для стороннего наблюдателя обычай: на киевских вечеринках одному из присутствующих позволялось упиться буквально до беспамятства, после чего его собутыльники могли носить его всюду с собой, переходя от одного «гостеприимного» крова к другому²³. В среде любителей увеселений

²⁰ Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 7. С. 74.

²¹ Там же. Т. 8. С. 283.

²² Там же. Т. 4. С. 120.

²³ Макаров А. Малая энциклопедия Киевской старины. Киев: Довіра, 2002. С. 507–508.

«с подогревом» возник даже особый тип человека — своего рода «антик» старого Киева, способный постоянно играть подобную роль. А называли его... да, да, именно — «телом». Впрочем, у неискушенных в тогдашней киевской жизни читателей может возникнуть недоумение: какой же смысл во всей этой оригинальной, но довольно-таки сомнительной в смысле культуры поведения затее? Однако расчет любителей легкой выпивки был верным: ритуальные походы с мертвецки пьяным «телом» по кабакам и домам сердобольных, да к тому же часто также подогретых спиртным обывателей позволяли гулякам воочию продемонстрировать свою «заботу о ближнем». — Надо же! Не бросить человека в такую минуту! В глазах простодушных киевлян это служило надежной гарантией благопристойности всей компании. Не будет преувеличением сказать, что с такой ношей можно было появиться едва ли не в любом доме, где ночью радостно звенели стаканы, пусть даже никто из присутствующих в нем — ни хозяева, ни гости — не имели чести знать ни одного из вваливающихся к ним среди ночи визитеров.

У нас нет оснований полагать, что молодому Булгакову приходилось участвовать в подобных, «не совсем трезвых» хождениях из дома в дом с «мертвым телом» на руках. Все же этот обычай был более распространен среди мелких городских чиновников и даже... — стыд и срам! — семинаристской молодежи. Но память о наивно-трогательном обычае старой киевской жизни, причудливо обнаружившего себя при создании, казалось бы, сугубо московской пьесы, свидетельствует о пусть даже и заочном, но постоянном общении с любимым городом. А слово Город, применительно к Киеву, замечательный мастер русской литературы всегда писал только с большой буквы!

